

ГОД ИЗДАНИЯ 4-й

ГОД ИЗДАНИЯ 4-й

Нижегородского Губернского Комитета Российского Коммунистического Союза Молодежи. АДРЕС РЕДАКЦИИ: Н.-Новгород, Кремль, Дворец Свободы. Телефон № 10-49.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

за март месяц 4 рубля.

Принимаются объявления.

Плата для государственных учреждений и предприятий 3 руб., для частных лиц и предприятий 3 руб. 50 коп. за строчку петица. Членам партийных и профессиональных организаций 10% скидки.

Рукописи принимаются разборчиво написанные на одной стороне листа.

В каждом отдельном случае редакция охотно вступает в переговоры.

За неделю.

ПЕКИН. Во всех крупных городах Китая происходят многолюдные демонстрации.

БУДАПЕШТ. Начался громкий процесс 65 рабочих-коммунистов, обвиняемых в попытке произвести насильственный переворот.

ПАРИЖ. Арестован генеральный секретарь Комсомола Дюпорт и редактор „Юманите“ Фажи.

БЕРЛИН. Выборы в фабзавкомы проходят под знаком определенного усиления коммунистического влияния.

ОДЕССА. День еврейской пасхи был отменен в рабочих районах рядом антирелигиозных докладов.

ПЕТРОГРАД. Пулковская обсерватория сообщает, что в ближайшие дни ожидается теплая погода и окончательный сход снежного покрова.

ЦЕРКОВЬ ЯВЛЯЕТСЯ ОРУДИЕМ ГОСПОДСТВУЮЩИХ КЛАССОВ ДЛЯ ПОРАБОЩЕНИЯ И УГНЕТЕНИЯ ЭКСПЛУАТИРУЕМЫХ МАСС!

ПРЕЖДЕ.

Рабы, да повинуйтесь своим господам, ибо нет власти, аще не от бога.

ТЕПЕРЬ.

... нет власти, аще не от бога???

Отбрось поповский дурман, иди вся на „Комсомольскую пасху“!

Здесь ты с пользой и весело проведешь время!!!

Если ты еще веришь или сомневаешься — найдешь ответ, веселый и научный!

Если ты не веришь, если ты безбожник — поможем у других выкупить религиозный дурман!

Клин вышибают клином! Церковную пасху, дурманящую темный народ песущую понам барыш — мы вышибаем Комсомольской пасхой! — не праздником, а молодым революционным и задорным протестом! Вторым штурмом неба!

Христианской пасхе — почти все заимствовано у язычества! Пасха, как праздник весеннего возрождения и воскресения природы от смерти зимнего холода, ледяного оцепенения должна уйти и на ее место должен встать праздник 1-го мая!

Праздник 1-го мая — это действительно „Светлое Воскресение“, и не какого-то легендарного сомнительного Христа, а великого творца всей жизни — господина царицы-природы — повелителя ее стихий — великого и радостного освобождающегося (у нас уже свободного) Труда!

Не капиталистического — рабского труда — труда эксплуатации, проклятия, нищеты, насилия и невежества, а светлого труда, соединенного с наукой, свободного, стихийно-великого и могучего творца, елико на небеси — горе, елико на земле — низу. елико в водах — под землею!

Да здравствует праздник 1-го мая — символ революционного труда, идущего к мировой социальной революции!

Долой поповский обман, церковный дурман — языческий праздник Пасхи!

Молодежь, иди вся на Комсомольскую пасху, где ты громко заявишь, ибо ответ уже готов:

Долой раввинов и попов! — Мулла, священник и раввин — Миром мазаны одним! Члене в мире нету слов: Мы отрицаем всех богов!

Нижегубком РСФСР.

Мы против всех религий и попов!

Мулла, священник и раввин Миром мазаны одним!

Часто со сторон верующих нам приходится слышать упреки, что мы больше всего нападаем на господствующую Христианскую церковь. Что нападаем это верно! но что только против христианской — это неправда! Уж на то она и господствующая, чтобы на нее сильное нападали. Единый церковный последний оплот контр-революции, после взятия цен-

ностей, когда ее реакционная сущность вылезла наружу и открыла взоры многих тысяч верующих рабочих и крестьян, явила наконец живая церковь, как первая ласточка церковного раскола и гибели неминуемого этого последнего оплота реакции и народной темноты.

Затем появились жавейшие, евангельские трудовые и прочие другие фракции и подфракции церковные все это говорили, что изживание церкви идет полным ходом. Можем ли мы сказать, что какая нибудь мечеть, или синагога нам не так мобо-лит глаз, как православная церковь с ее колокольным звоном? Конечно нет! Само комсомольское рождество нами было заимствовано у еврейских комсомольцев, которые в Миске в „великий судный день“ организовали такой небесный штурм, что у гневного бога Егвы, вылезли на-верно последние три волоса от гнева и страха, а в синагогах стоял такой скрежет зубовный, что до него адской преисподне было очень далеко.

Поскольку у евреев еще Христа нет, они его все еще ждут (и конечно не дождутся!) нам было несколько смешно праздновать комсомольское и еврейское (!?) рождество и мы его не праздновали. Зато у евреев есть пасха — скажут нам. Есть! но во первых без христа! а во вторых мы ее так же хотим отметить в комсомольский летоисчис.

Еврейская пасха празднуется, как освобождение еврейского народа из египетского рабства, как „воскресение“ великого избранного народа, ждущего своего мессии! дабы всем гуртом и всеми „коленами“ поплыть в рай небесный. Надо отметить, что евреи вообще народ деловой и даже ожидая рай небесный и молясь своему Егве они являются самым предприимчивым и коммерческим народом на земле. Хотя еврейская пасха предшествует христианской мы, комсомольцы, риним дело несколько упростить и, празднуя комсомольскую пасху, протопить и „попа долбогерового, и раввина блудливового, и муллу шелудивого!“ По отношению к религии ислама мы хотим организовать свой комсомольский Руза — Гайды (Бейрели) — месачника „Рамазан“.

Сущность и задачи Комсом. Пасхи.

Основной нашей задачей является активно выступить всей массой союза против религиозного дурмана.

Мы помним, что пасха, это есть праздник весеннего возрождения — воскресения природы, этот праздник

должен уйти с исторической сцены и замениться праздником 1-го мая, праздником освобожденного труда воскресного для творчества и создания новой справедливой жизни.

Этот праздник действительно — „светлое воскресенье“ и не какого-то легендарного, сомнительного Христа а великого творца всей жизни, господина царицы природы и повелителя ее стихий — великого и радостного свободного труда!

Не капиталистического рабского труда — труда эксплуатации проклятия, нищеты, насилия и невежества, а светлого труда соединенного с наукой, свободного, массового стихийно-великого и могучего творца елико на небеси, елико на земле елико на воде, под землею! Старые будут молиться, а революционная молодежь будет с нами — комсомольцами.

Комсомольцы народ передовой они идут на второй небесный штурм, с громкими и радостными голосами, полные энергии и революционной творческой силки, смелые и стойкие, закаленные огнем гражданской войны и испробованные окопами и обходной осадой НЭПа, они идут „грива гранит науки“ нога в ногу — отменяя веру, критически все переоценивая, пересматривая, учась — учат других, закаляются на своих и чужих ошибках...

Близится страстная неделя, поплывет в весеннем воздухе страстной звон, зажигают огоньки церковных свечек и потянутся по привычке по истари заведенному обычаю, обыватели в церковь на говенье и покаяние во всех своих невольных и вольных земных пакостях, именуемых грехами. что-бы тотчас по выходе с непе-веди приняться с „чистотой“ за новые еще большие пакости... Незаметно подойдет и страстная суббота. И когда у „светлой заутрени“ в душевой и в сожалению все еще набитой церкви попы запоят „Христос Воскресе!“ — в это время из наших клубов, понесется в ночной воздух, полный весенней свежести и радости освобождающейся природы, воскресющей от зимней спячки и смертельных ледяных огов, — понесется молодой задорный комсомольский гимн: „Комсомол воскрес! Воистину воскрес!“

„Как светлый луч в дремучем лесу! Для новой жизни и борьбы Труда упорного — страды!“

Петр Чичеров.

ПЕРВЫЙ И ВТОРОЙ ШАГ.

(Еще о Комсомольском Рождестве и немного о Комсомольск. Пасхе.)

„Дурман религии разгадан — Фабричный дым нужней, чем ладан!“

При всей своей удаче и интересе, как первого опыта, — открытого штурма небес, наше „Комсомольское Рождество“ страдало одним наиболее характерным недостатком — в нем было слишком мало пропаганды, хотя агитационный захват его и был весьма широк и глубок.

В прошлой своей статье (от 3 февраля) мы писали: „Комсомольское Рождество еще раз вызвало и заострило политическую активность Комсомола, а с другой стороны явилось хорошим ударом по толстоумому обывательскому черену“. Безусловно психический сдвиг был весьма значительным: для тех, кто вместо заутрени, весело и с пользой провел ночь под рождество в клубе и на карнавале, для тех кто, этим вступил в конфликт со старыми привычками и предрассудками, для тех, кто рискнул рассориться со стариками — для них этот шаг уже бесповоротно означал: крест на старом прошлом, конец старых религиозных предрассудков, гибель их последних остатков и конечно большой шаг вперед по пути полного безверия и „безбожного, знания“.

Задумываясь над анти-религиозной пропагандой, мы непременно подходим к вопросу: К кому нам обращаться с анти-религиозной пропагандой.

Мы знаем, что в крестьянской массе религия — стихия, которая сама родит, ибо религия глубоко вкоренилась в уклад деревенской жизни, в ее быт и психику.

Мы помним, что только электрификация, многопольная венашка могут опрокинуть крестьянскую косность и религиозный дурман, мы обращаем главное внимание только на крестьянскую молодежь и ограничиваемся в деревне лишь широкой и популярной анти-религиозной пропагандой, в которой чтение и изучение естественных наук должны играть видную роль.

Мы так же помним, что религия, обывателя-мещанина это самоулад, „духовный отдых“ от всех житейских тревожений, советских „неурядиц“ и „большевицких зверств“ — здесь нам нечего делать, пусть все эти богобоязненные мещане, религиозные старички и старушки, шепчут молитвы

и набивают шишки на своих верующих лбах — мы знаем что эта обывательская церковь гнет и отмирает и главным симптомом этому является церковный раскол. Бить их по черепу-пожалуй бесполезно!

Зато в рабочей массе религия — пережиток, необходимая кригически привычка, которую все подтачивает и разрушает: заводский быт с его машиной, техникой, электричеством, заводская школа, заводский клуб, библиотека-читальня и т. д. и т. д. к этой-то рабочей массе и должно быть обращено наше главное внимание и больше всего к молодежи, которая конечно далека от рутинных привычек и некоторого патриархального консерватизма взрослых.

Комсомольская пасха — наш второй шаг.

Ночь на светлое воскресение.

К страшной субботе мы приурочиваем центральный момент всей кампании — это клубные и театральные вечера. Наша задача привлечь на них как можно больше молодежи, в связи с этим мы предварительно широко агитируем и рекламируем свои „праздники“. Мы зовем и призываем и мы знаем, что как и в прошлый раз — аблоку негде будет уласть от тесноты. Для того, чтобы охватить внимание пришедших и соединить полезное с приятным и научное с веселым, мы строго продумываем свой вечер. После живого доклада с перебивкой и характерной полемикой со всеми „представителями религиозных культов“ мы проводим ряд инсценировок полных юмора, антирелигиозной сатиры и веселого смеха, а затем частушки, „песнопенья“, стихи, спорт, выступления — пирамиды в виде церкви и небесной иерархии — музыкальные номера, юмористические рассказы, басни и т. д. и т. д. а после игры, развлечения и веселые забавы можно и танцы, часов до 5 — 6 утра, где оркестр музыки молодой смех и юное веселье заглушают колокольный звон медно-поющей о том что „Христос Воскресе!“

Обещают поплывти, Что спасти придет Христос, Что родился он — возможно? Что воскрес — большой вопрос!

по фабрикам и заводам.

Из Сормова.

Хороший почин.

Кружок корреспондентов - комсомольцев выпустил стенную газету № 1.

Помещены факты местной жизни ячеек.

Есть и отдел „Комсомольское творчество“.

Нашим партийным работникам газета очень пришлась по вкусу.

— Молодцы ребята! Хорошо работают.

— Вот, В. Н., прочти-ка басню „Свиный и дуб“.

— Какой подход!

Так говорят они друг другу. Первый опыт сделан.

На днях выйдет 2 номер.

Амбр.

Согласованность в работе.

В паровозно-строительном цехе Сормовского завода потребовалось перевести двух человек из рассыльных в ученики слесаря.

Заведующий, зная, что в цеху есть комсомольская ячейка, не решился перевести по своему усмотрению, как это делалось раньше, а обратился к уполномоченному.

Уполномоченный сейчас же запросил ячейку, кого переводить.

Ячейка правильно рассудила, наметив с долгим стажем рассыльного и с плохим материальным положением товарищей. Они теперь работают учениками.

Факт, будто-бы мелкий, но в цеху он имеет большое значение в том смысле, что переводит не администрация, а ячейка. Другие ячейки должны в таких случаях поступать по ее примеру.

Предмол.

Из Канавина.

Завод „Красный Кожевник“.

— Вот у нас тоже самое один взрослый рабочий ударил Фомина под девятое ребрышко, — заметил один из подростков — член РКМ ячейки при заводе „Красный Кожевник“, прочитавши в „Молодой Рати“ о том, как один мастер поколотил подростка в Сормове, — и ему надо хорошую посылочку сделать. Хотя бы было за что, а то...

— Что? Что ты говоришь, — ухватился за эту фразу, рядом сидящий ассистент труда тов. Сигаев, начиная распрашивать его о подробностях.

— Да, да, Фомина рабочие заставили разжигать печку, а другой... подошел да и давай ему: „Наши с вами не знакомы“, ну, тот и заплакал, — обидно да и больно. Ну, ладно, мы с тов. Ивановым выясним и привлечем к ответственности этого самого...

— Часто он вас колотит? — спрашивал я его.

— Да нет, только один раз и здорово, и жаловаться нельзя — или выгонят с завода или еще хуже быть будут! Вы бы написали в „Молодую Рать“, так же, как в Сормове, мы здесь почтили и рабочим показали бы.

Остальные уткнулись в газету и пишут среди статей для себя более понятных и интересных.

— Скоро вы позаботились, тов. Гуцин! — говорит другой парень, пришедший из другой комнаты общежития, — мы думаем, что вы их нам целый месяц не принесете, ан хватить — раз и готово.

Через несколько минут мы уже все грудой, человек 12, пробрались в контору завода, находившейся в 100 саженях от общежития. На предполагавшемся общем собрании ячейки собираются и взрослые рабочие, желая послушать комсомольцев.

Разобрали программу и устав Комсомола, прочитали „Молодую Рать“ и мы с тов. Сигаевым поехали на общее собрание ячейки завода „Двигатель Революции“.

Ребята уже звонят.

— Иду, — кричу я в телефонную трубку, — через пять минут буду, выйдите председателя.

Гуцин.

Товарищи! Шлите снимки, рисунки и наброски из жизни фабрик и заводов, мы будем помещать их в „Молодую Рать“.

КОМСОМОЛ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Что сказал т. Домбаль.

(От собств. Московск. корреспонд.)

19 марта было знаменательным днем для Красной Москвы.

В этот день она встречала дорогого гостя т. Домбаль — узника польского капитала, которого Советскому правительству удалось вернуть из польской тюрьмы.

Московский пролетариат сделал достойную встречу своему почетному депутату Московского Совета.

Несмотря на свою устарелость, тов. Домбаль охотно побеседовал с представителями московских комсомольцев о положении польского Комсомола.

— Польский Ком. Союз Молодежи, — сказал т. Домбаль, — сейчас загнан в подполье, но несмотря на это развил большую работу. Рабочая молодежь и Ком. партия — это одно целое. Комсомольцы ведут всю техническую работу партии и представляют 50 всех арестованных польских коммунистов.

В Варшаве Комсомол издает нелегальную газету „Товарищ“, которая проникает в самую гущу рабочей молодежи. Влияние Комсомола чувствуется.

Положение рабочей молодежи в Польше тяжело.

Охрана труда существует лишь на бумаге.

Благодаря острому хозяйству, кризиса, рабочие не получают даже минимума зараб. платы, а молодежь получает лишь 50% этой зараб. платы.

Через профсоюзы Комсомол развил экономическую работу по облегчению положения рабочей молодежи.

От преследований охраны Комсомол так же, как и партия, загнан в подполье, но недалеко тот день, — говорит тов. Домбаль, — когда Советская власть, власть рабочих и крестьян, сметет мелкую буржуазию, которая сейчас стоит у власти в Польше, и Красное Знамя Коммунизма заставит склониться белого орла.

— Я убежден, — говорит тов. Домбаль, — что для достижения этой цели рабоче-крестьянская молодежь Польши, под руководством Комсомола Сов. России еще теснее сплотит свои ряды и не оставит своего начатого дела борьбы за Коммунизм.

Ник. Безруков.

КОМСОМОЛ В РОССИИ.

Московские письма.

Чистна.

В Москве заканчивается чистка комсомольцев на рабфаках и в высшешкольных заведениях. Чистка дала большие результаты. В некоторых Вузах вычищено до 20% состава комсомольских ячеек.

В общем она прошла деловито и дала возможность выбросить весь не пролетарский состав, который использовал РКМ для поступления учиться.

Конечно дело не обходилось и без курьезов.

В одном из Вузов председатель комиссии спрашивает особо подозрительного члена, касаясь эконправ — работы:

— Скажите пожалуйста, что такое бронь?

— Бронь! гм... да вспомнил, видел!

— Что такое видели? недоумевает комиссия.

— А этот бронепоезд!

Конечно в ответ раздался гомерический хохот слушавших комсомольцев и вызвал улыбки комиссии. И таких случаев много. В общем и целом весь состав комсомольцев учащихся профильтрован здорово. Всех примавшихся элементов выкатили с треском. Высшую школу завоевывает, действительно, рабочая молодежь.

Ник. Безруков.

Конкурс на лучшего секретаря ячейки.

„Пути Молодежи“ (орган Сиббюро ЦК РКМ) объявил конкурсе на лучшего секретаря ячейки. Конкурс — это смотр низовым работникам сиббирского Комсомола. Перед глазами сиббирских комсомольцев пройдут лучшие союзные активисты, будут продемонстрированы достижения лучших ячеек (нельзя писать о секретаре ячейки не говоря о работе самой ячейки). В то же время конкурс разбудит уснувших, подтянет отстающих.

Религия — дурман для народа.

Бюллетень молний.

По океанам воздуха неустанно, Выше замшевых башен Кремля, В ночь твою мечет тревожно антенна Зыбкие молнии: слушай, Земля!

Пульсируя электромагнитной кровью,

Свинцом сгущая лиловую тень, Всем, всем, всем шлет о здоровье Ленина молниенный бюллетень.

У каждого рабочего сердце — приемник: Температура 37... пульс 100... Кто может быть ему преемник? Атланту революции? Никто!

Искровые вспышки в ночь рассея, Замыкает антенна магический круг. Это твой лихорадочный пульс, [Россия!

Революции мира, это ваш недуг!

Но разве огненная кровь застынет И железный язык скует паралич? Нет! Над трибунами снова встанет На Красной площади мира Ильич.

Мих. Венгевич.

Красный кормчий.

Владимиру Ильичу Ленину.

Руками сжал штурвал железный, На красной вышке боевой Стоит и дернит путь свой звездный Мятенный, гордый рулевой.

Горбами вздулись смоляные Под ветром свежим паруса... Смешались с плеском волн сталь-ные

Команды красной голоса. Плынут в земле обетованной Я оны наших славных дней, Изблещет им в дали туманной Колхида прелестью своей.

Глаза горят у рулевого... Надвинув серый напюшон, Колосса он ведет стального Под тяжкий град со всех сторон.

Упорных рук не опуская В мечтах о вольности морей, Не спит команда боевая У огненных батарей.

Фрегат ли, бриг бежит навстречу, Пылая жалко враждой, Он гибнет сразу в жаркой сече И прочь уносится волной.

Гроза сменяется грозой, То в тучах небо, то ясно, Но неизменной рукою Все управляется судно.

Уже над водною пустыней Сверкнул, как выстрел, с корабля Прогрохотал в просторе синем Многоязычный крик — „Земля“!

Завыли зычные сирены, Как чайки взмыли выплела, Дождавшись светлой перемены, Заря свободная вззошла.

И кормчий светом озаренный, По уснопленным волнам Повел стальные легионы И далеким, чудным берегам.

Илья Ионов.

О Ленине, как человеке.

Владимир Ильич всегда был (и остался до сих пор) чистейшим пролетарием по всем своим привычкам и склонностям. В эмиграции (к которой, главным образом, относятся мои воспоминания) ему нередко приходилось переживать лишения (сти-то лишения и подточили его на редкость крепкий организм еще давно). Но и в полосы материального благополучия пролетарские замашки не оставили Владимира Ильича. Маленькая комната, с рабочим столом и жесткой железной кроватью — типичная обстановка его жизни: самые скромные развлечения, в близкие времена велосипед — вот его удовольствия. Таким же остался он и до сих пор; и надо видеть его страдающее и немного сердитое выражение лица, когда ему, как главе правительства, предлагают тот или другой пережоннал или „этикет“. Владимир Ильич на редкость целостная личность, у которого слова никогда ни на ногу не расходились с делом, — вот тема над которой еще долго будет работать историк, и которую можем лишь поставить мы, современники. Тема эта — нелегкая, ибо пролетарский быт Владимира Ильича — вовсе не мешанская скромность добродетель, умеренность и аккуратность. Это — трудовая, еуровая школа жизни, которая влияла и на идеологию. И нет сомнений, что среди многих, многих причин, которые сделали из Владимира Ильича всегда пролетарской революционной стальной, чуждой всяких компромиссов, тактики, была и школа его пролетарской трудовой жизни.

Еще о другой черте мне хотелось бы упомянуть, которая точно так же лежит в основе всей деятельности Владимира Ильича; это — его темперамент, смелость, находчивость.

В биографиях великих людей очень часто встречаешь одну общую черту: любовь к детям. Это — чрезвычайно интересная их особенность. Почему великие люди любили детское обме-

ство? Пишут, что Маркс любил отдыхать в обществе своих детей и внуков; говорят, что Толстой лучше всего чувствовал себя в детской среде.

Таким же другом детей является и Владимир Ильич. Всем известна его недавняя фотография среди детей в одной подмосковной деревне. Сидит он среди них спокойный, улыбающийся, и морщины-забот как будто разгладились на его лице. Когда я шел под Парижем, он часто выезжал позаваняться с моими детьми. И удивляешься, бывало, его врожденным педагогическим способностям: дети его боготворили и ждали с нетерпением, он умел с каждым говорить серьезным и интересным для него языком и придумывать какие-нибудь развлечения. Помню, в 1911 году мы поехали с ним на прогулку на велосипедах в одно место, верстах в 12 под Парижем. Со слезами на глазах упрощала нас вить с собою моя дочка, тогда 11-летняя девочка. Владимир Ильич, конечно, настоял, чтобы ехала и она. Дорога была трудная, гористая. И надо было видеть, с какой нежностью ухаживал он за уставшей девочкой. Каждую гору он оставлял ее на велосипеде и тащил в гору и свой и ее велосипед; на каждой трудной дороге он ехал рядом и помогал ей. Я просил его не делать этого: ну, какая беда, что здоровая крепкая девочка немного устанет на 12 верстах! Он ругательно ругал меня за „безобразное отношение к дочери“. „Отбирать надо от таких родителей детей“.

Чрезвычайно сложная личность у Владимира Ильича. Если бы не исполнили этого слова, я бы сказал: „вот действительно многогранная личность“. Начиная вспоминать с одной стороны, и уже засверкают другие «гранки». Небывало благодарное поле для будущих историков и биографов.

Н. Семашко.

Дурман религии разгадан—фабричный дым, нужней чем ладан! У нас ответ давно готов: долой раввинов и попов!

Пасхальная Марсельеза.

На мотив: „Отречемся от старого мира“.

Колокольни гудят как то странно,
Там попы созывают народ,
К своей пасхе зовут неустанно
И орут о Христе во весь рот.
Комсомольцы в свой праздник великий
Все идут на веселье гурьбой,
За собою влекут всех прозревших,
Кто туман скинул с плеч вековой.

Комсомолец, науку из рук не пускай,
Молодежь призывай всю на празд-
ник;
Ты единственный светоч Коммуны.
Вперед на богов, вперед, вперед,
[вперед!]

Нас раввины, попы все учили
Почитать злых и добрых богов,
А науку ногами топтали
И туманили наших отцов.
А теперь все года тяготенья
Мы смахнули с своих юных плеч
И вперед к свету, к жизни гурьбой
Мы идем, проклиная их всех.

Припев.

Комсомолец, науку из рук не пускай:
Вся религия—сказка пустая,
Сказка подлых и наглых попов;
Все они в свой карман набивали,
Из рабочих творили рабов.
И, поняв всю поповскую мерзость,
Комсомолец, вступай с ней в борьбу.
Пусть погибнут обманщики боги—
На земле будет слава труду.

Припев.

Н. Синельников (Горрайон).

Религия—есть дурман
для темного народа, дур-
ман который несет по-
пам барыш, а трудящим-
ся—набалу!

Комсомольцы и небо.

Взбунтовались херувимы,
Загалдели серафимы,
Вот в отчаянии пророк.
И развел руками бог:
— Что за причта во-языщех;
Я есмь бог, во всех трех лицах,
Говорю вам: не галдети!
Не могу сего терпеть!
Нужно все творить спокойно,
Все божественно, пристроено.
Выходи вперед, пророк,
Бог насупившись изрек.
Вот выходит из толпы
Из небесной, страшной тьмы,
Бородатый, волосатый,
Как земной купец богатый,
Одно слово: страшный есмь.
Как на небо только влез,
Богу низко поклонясь,
Речь он высказал за-раз;
— О, всеильный, всевеликий,
О, всезнающий, трехликий,
У нас в царстве неполадки;
К нам с земли пришли ребята,
И буянят, и шумят;
Хотят с неба нас изъять.
Всем житья нам не дают,
„Молодую гвардию“ поют.
— Кто пустил их к нам на небо?
— Сами вперлись они смело!
— Двери рая кто открыл?
А-ль дежурный проследил?
— Кто их ведет, учитель,
Всем порядкам я блюститель;
И сейчас их приведу;
Разберем мы всю беду.—
С красным флагом, с шумом, с гамом
Комсомольцы идут шагом.
Бог насупившись глядит,
И как гаркнет, закричит:
— Неполадки разводите!
Моих подданных мутите!..
Ах, вы, шкеты, подлецы,
Так учили вас отцы!
Небо нужно почитать
И любить нас, уважать;
Мы всех учим о добре,
Помолитесь-ка, вы мне!
Комсомольцы рассмеялись,
Меж собою пошептались;
И как крикнул все в одно:
— Замолчите вы, галье!
Мы не можем вас терпеть!
Ты-же, бог, держи ответ!
Ведь ты—спаситель угнетенных,
Так спаси же, сиречь, оных.

Там, на земле, нас много-много,
Всех нас преследуют там строго.
Там богачи и мародеры
Дерут последние с нас шкуры;
В одной лишь матушке-России
Мы свое знамя водрузили
И получаем там привет,
У нас там споров ни с кем нет.
А от тебя, небесный бог,
Чтоб Комсомол наш не подох,
Мы требуем послать приказ
По всем буржум в один раз,
Чтобы скорее убирались
Ко всем чертям, и унимались;
А наш великий Комсомол,
Чтоб волю взял, чтоб ожил он!
Бог, известный соглашатель,
Буржуй его большой приятель,
Он интересы их блюдет
И против денег их нейдет.
И держит он такую речь:
— Эй, Комсомол, зело сиречь,
Ты больно прыток и бурлив,
Как бы ты скоро не утих.
Ваши речи хороши
Для больной, святой души.
Только слишком вы спесивы,
Потрепать-бы вас за гривы;
Итак, слушайте ответ:
Здесь, на небе, правды нет,
Нет ее для вас, ребята,
Так покажите лучше пятки.
Там, на земле, вы что творите?
В труде искать закон хотите?
Всех призываете трудиться,
Всех посылаете учиться!
А моих подданных, попов
Вы в „Рождество“ загнали в ров!
Вы церкви в клубы превратили,
Разве вас этому учили?
А попов в мои чертоги
Всем готовы ломать ноги
Всем спокоя не даете,
„Младую гвардию“ поете!
Так смотрите вы, щенки,
Я деспот большой руки.
И всех сразу улещу,
Разотру, смело в муку!—
— Эй, ты долго-ль будешь выть,
Перестанешь, может быть,
А нето прищурив глазки,
Мы загнем тебе салазки.
Бороться с вами будем мы.
Мы вам покажем нас, ослы!
Эй, комсом, вперед! „Святцы“!
У нас расплещутся паяцы!
И грянул гром, все затрепало,
В минуту боженьки не стало,
Свалился с страшной высоты,

Пророки пали, как клопы.
А херувимы, серафимы
И все архангелы меж ними,
Под грозной мощью молодежи,
Присели и скривили рожи:
— Помилуйте вы, братцы, нас;
Полезны будем мы как раз,
Мы линию левой возьмем,
Попов за вами поведем.
Мы им прикажем моментально,
Чтоб не было меж нами тайно,
Живую церковь сотворить,
По-новому народ учить.
Мы поможем вам работать,
Ушами только лишь не хлопать,
Тогда народ мы одурманим
И снова властвовать все станем.
Идите в тесный наш союз;
Уж нас не будет мучить грусть.
Мы веселее заживем,
Всех за собою поведем.
Молитесь будем за советы
И живо всем найдем ответы;
Что, и как, и почему
В иную мы дудим дуду.
— Ну, нет, голубчики, святые.
Враги вы наши, ох лютые!
И с вами да вступать в союз,
То было-бы в квадрате плюс.
Мечта святая—звук пустой,
И мы вам говорим с ликвой:
Не затевайте с нами кашу,
Пострадают крсти ваши.
Лучше сгиньте вы тотчас,
Время есть пока для вас.
А не-то глядите в оба,
На эшафот вам всем дорога.
Лучше будет, если вы
Свои погасите огни,
Чтобы вас никто не знал,
Кроме толстопузых бар,
Бороться с вами будем вечно,
Чтоб на земле нам жить беспечно.
Мы уж сказали вам вину
И объявляем вам войну,
Теперь нечего здесь делать,
Но вперед придется все-ж наведать
И, уходя из царства бога,
Мы знаем—нам куда дорога.
Мы снова на землю пойдём
И к вам опять сюда придем.
А на земле мы всем расскажем;
На ваше царство поналяжем,
Чтоб затрепало все по швам
Житье—малина будет нам.
И если вы что здесь счудите,
Тогда уж прямо в три глядите.
Итак, небесные, прощайте,
И нас дурным не поминайте.

Шум и гам кругом поднялся,
Один архангел рассмеялся
— Посмотрим! Чья возьмет,—кричит.
Комса-ж с усмешечкой глядит.
А результат будет каков—
Посмотрим в будущем веков,
А, вернее, очень скоро
У неба вырвем мы подпорку.
Тогда рабочий люд дурманить
Сводить с ума, о рае славить
Никто не будет никогда,
Зардеет красная звезда!
И пролетарии всех стран,
Выпрямив могучий стан,
К Коммуне мир весь поведут!
Всем жизнь прекрасную дадут!

Синельников (Горрайон).

Дележка.

(На мотив „Тройка“).

Гайда, тройка: поп Иона,
Дьякон Луп, дьячек Пахом!..
Светит свечка у иконы...
Делят выручку втроем...

Дьякон шепчет уверенья,
Что в „шкуну“—пятьсот рублей,
А в душе пона сомнение:
Не надул бы лиходей!..

Так с тревожными мечтами
Каждый был свиреп, как рысь,
И не помнит, как во храме
Вдруг нежданно подрался...

Гайда, тройка: Поп Иона,
Дьякон Луп, дьячек Пахом!..
Светит свечка у иконы...
Делят выручку втроем...

Уж сменился день зарею,
Час вечерний настает.
Тройка, охая и ноя,
В сныках домой бредет...

Ах, недолго-ль это время?
Пусть мелькнуло бы, как сон,
Жеребьяче это шамя
И церковный перезвон!

Гайда, тройка: Поп Иона,
Дьякон Луп, дьячек Пахом!..
Гаснет свечка у иконы...
Идут к фельдшеру втроем...

Апостол Федор.

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Борьба за мост.

(Продолжение).

Глава II.

ШТЕЙН.

В 19-й году частные телеграммы еще всюду принимались в Советской России. Кто-то посылал ежедневно, иногда по два раза в день, на адрес гражданина Белогородского,—город С., Большая улица, дом 20,—угомятельнейшие телеграммы, содержание которых вращалось около тегиши, выехавшей, не то собиравшейся выехать. В телеграмме упоминалось о ее всевозможных болезнях, до поименовывания лечивших докторов, включительно.

Близ поистине чудом, каким образом по проводу, загруженному разными военными сообщениями, не справляющемуся с многочисленными требованиями гражданских учреждений, проскальзывали эти никчемные телеграммы. Именно проскальзывали, потому что добрая половина их шла почтой, добрая четверть терлась. И все же, вет-вет, а вдруг между двумя требованиями на новые дивизии, или двумя сводками о политическом состоянии городов и губерний, сводкам, за расшифровку которых тут же садился несколько человек, умственно взвешивая каждую секунду, телеграфист развертывал свою ленту и с недоумением разбирал нудное:

„Тетя выехала. Нога поправляется, банни плохо помогают, жду кризиса-Ариадий“.

Логика революции своеобразна. Она осуждена иметь свои курьезы. Эти телеграммы были таким же капризом революции, каким был среди самого сурового красного террора бело-гвардеец, мирдо перепечатывавший бумажки где-нибудь около ВСНХ, или же совбарышня в шелках и кольцах, посреди самых тяжелых лишений и урезанных пайков получавшая продовольственную карточку рабочего.

Только за счет того, что в этих телеграммах инсинуация была уже

слишком проста и слишком глупа, надо отнестись к ней как к секретному агенту, сидевшего на телеграфе, медленно развудт их в соответствующее дело. Если он что-нибудь дознавал здесь, то, пожалуй, спекуляци-цир...

Но в один прекрасный день, и этот день наступил, на-кануне того, когда поезд, привезший князя П. и Дороевца, подошел к станции С., терпеливый агент лопнул. Он аккуратно подобрал телеграммы и секретной запиской отправил их Штейну. Штейн получил их только на следующее утро.

По обыкновению, он находился в своем кабинете чуть-ли не с 8-ми час. утра, если только это можно было назвать кабинетом. По всей вероятности, не так рисовала себе кабинет начальника секретно-оперативного отдела французская пресса 1919 г., не так представлял его себе и воображение комсомольца поступившего 1923 г. Ожидающего встретить здесь арсенал оружия ждало бы разочарование. Это была квадратная, совершенно пустая комната с большими окнами, невзрачным письменным столом и мягким креслом в углу. По стенам сиротливо торчало 2—3 стула. В ящиках стола ничего нельзя было бы найти, кроме слоя пыли. На столе только иногда лежало несколько бумажек, чаще же только блок-нот или чистый листок бумаги. Штейн ничто не любил доверять бумаге и все делал на словах.

Выше-среднего роста, худощавый, с волосами неопределенного, белокурого цвета и совершенно бесцветными глазами, Штейн отличался чертами лица, как бы специально созданными для его работы. Без сомнения, необходимо было затратить некоторые усилия для того, чтобы запомнить не молодое и не старое, не дурное и не красивое его лицо. Спешить и рядом, его не узнавали преступники, ожидавшие на его глазах решения своей участи, и партийные товарищи, знавшие его не один год.

Этому помогало то, что редко с кем Штейн проводил более или менее значительное время. Он обладал даром уметь понимать собеседника с полуслова, меньше того, от одного движения лица, от одного намека. Того же он требовал и от подчиненных. Вся работа в секретно-оперативном велась на словах, но не часто случалось, чтобы в кабинете Штейна сидело сразу больше одного агента. Обыкновенно он разговаривал с каждым отдельно и всегда по строго конкретным вопросам и всегда в вопросно-ответной форме; связанных докладов он избегал.

Хотя вне своей работы Штейн не производил впечатления человека, скрывающего свои чувства, надевшего маску, но никто бы из его знакомых не сказал, чего Штейн добивается. Раньше знавшим Штейна; знавшим его очень хорошо, становилось ясно: сам Штейн ничего не добивается, ничего не хочет. Меньше всего его можно было бы назвать энтузиастом революции, ее вдохновенным борцом.

Но одно у него было—чувство железного должностования. Это был железный механизм революции. Он знал, что надо делать, овседа проистекала его власть над людьми. Он расстреливал, миловад только потому, что так было необходимо для дела революции. И было очевидно, что в каждый данный момент он отдаст и также без всякого порыва, не останавливаясь ни на минуту, и сотни чужих жизней, и свою жизнь—за победу революции.

Одно увлечение у него, правда, было. Раз в два в месяц в марксистском кружке он много и долго говорил о марксистской философии: ее он любил и великолепно знал. Но во всем другом, он нигде не проявлял себя вне своей специфической работы.

Метод его работы резко отличался от метода работы Дороевца. Этот последний напряженно искал, копался вокруг данного факта, называя мелочью за мелочью в поисках нужной нити; Штейн шел в поискомую от общего. За свои 5 месяцев работы в 300-тысячном городе Штейн настолько знал его, что ни одно мало-мальски серьезное явление не могло уклониться от его взоров. Возникновение

нового заговора, крупное хищение, крупная спекуляция сейчас же вызвали какое-то еде осязтимое дрожание прекрасно налаженного аппарата Штейна, в какой-то его части. А где такое дрожание ощущалось, там сразу Штейн усиливал свой аппарат, бросая туда, если надо, всю агентуру, безжалостно снимая ее с других работ, и так были открыты один за другим 3 или 4 белогвардейских заговора, после чего они прекратились, и, казалось, город вступает в более мирную полосу.

Тем страннее и самому Штейну, и председателю, и губкому были телеграммы из Москвы, извещавшие о существующем заговоре, предупреждавшие о взрывах, которые должны последовать с часу на час, с минуты на минуту. И Штейн, непобедимый, всезнающий Штейн, никого не предупреждал и совершенно ничего не знал. Одно ему было ясно: если этот заговор существует, то это заговор совершенно нового типа; контр-революция отброшена на свою самую последнюю позицию; это заговор с очень ограниченным кругом лиц, не ведущий никакой массовой организации и никакой агитации, ставящий себе целью нанесение только случайных, частичных ударов.

Так приблизительно складывались мысли Штейна в то утро, в то время, как со всех сторон его осаждали нервные звонки по телефону все о том же и о том же заговоре.

Во время общего уплотнения и чрезвычайного обострения жилищной нужды, Александр Александрович Белогородский сохранял за собой в центре города—Большая улица, дом 20, отдельную, хорошо обставленную квартиру. Здесь сыграло несомненно роль то, что Александр Александрович, в недавнее время один из видных адвокатов города С., во времена учредили относился к ней с явным отрицанием, после же водворения советской власти первым из адвокатов вошел в коллегию правозаступников и, хотя и не состоял в партии, но был хорошо известен в советских кругах, а также выполнял какую-то работу в губотделе юстиции.

Кроме полагающегося кабинета и приемной, Александр Александрович сохранял небольшую гостиную, а через коридорчик от приемной находилась небольшая комната, в которой помещался брат Александра Александровича, Борис Александрович.

Этот последний, в противоположность брату, принадлежал к числу неудачников. Некогда член партии социалистов-революционеров, он не ладил и не пользовался никаким весом и в собственной партии, благодаря чему даже и во время учредительской влопех находился совершенно не у дел. Во время советской власти и подално Борис Александрович влачил совершенно незаметное существование, без определенных занятий. Однажды за какое-то брюзжание он был даже арестован, но сейчас же и освобожден, как величина, совершенно ничтожная.

В то самое время, когда Штейну попала в руки пачка телеграмм на имя Белогородского, Борис Александрович, затягиваясь папиром, по своему обыкновению, ежeminутно нервно поправлял пенсне, раскачивал во маленькой гостиниой в доме брата. В углу, за столиком сидел человек, средних лет, в коротком офицерском кителе и штатских брюках, очень коренастый, с низким бобриком и припухлыми, как щелки, глазами.

Собеседник Белогородского говорил:

— Здепнее офицерство,—уверен вас,—настроено было совершенно лояльно. Первая организация, мне по-настоящему известно, возникла с целью самозащиты и, если хотите, из чувства мести, из влопех понятного чувства мести. Для чего нужно было советской власти раскапываться в старых грехах. Ну, кто же не участвовал в карательных отрядах во время народной армии? Были определенные приказы о мобилизации, приказы эти надо было кому-то выполнять. Ну, если там некоторые несколько и пересаливали...

Р. М.

(Продолжение следует).

Спор на небе.

ЧЕЙ СЫН?

(Разгадку этого оригинального рисунка ждите до следующего №).

ЦЕРКОВНЫЕ РОМАНСЫ.

I. Пастырь бесстадный.

(На мотив «Ласточка»).

Чуть мерцают лампады и свечки...
 Фимиамный дымок... Полутьма...
 В целом храме—лишь две-три
 [«овечки»].
 Стало стало ничтожно всема...
 Пастырь машет лениво кадиллом
 И поклоны короткие бьет...
 А на клиросе голосом хилым
 Что-то дьяк торопливо поет...
 Пой, дьяченька, пой.
 Пой «заупокой»!
 Не очень уж много осталось
 [вам дней
 Дурачить людей!..
 Взглянув о муках крошечных,
 Поп с досадой вздыхает о том,
 Что рабов нерадивых и грешных
 Не загонишь во храм и кнутом...
 Видно, «ласточка» скоро запрется,
 А дабы им нужды не терпеть,
 Может быть, и «дуэты» придется
 В кабаре вместо клироса петь...
 Пой, батюшка, пой.
 Пой заупокой!
 Не очень уж много осталось
 [вам дней
 Колпачить людей!..

II. Поп самогонщик.

(На мотив «Любила я твои глаза»).

Ты хочешь знать, зачем теперь
 Свирист я, словно лютый зверь,
 И злая боль мне сердце гложет?
 Но кто храм божий посещал
 И колокольню навещал,
 Еще поймет меня, быть-может...
 Лишь меньше стал понов доход.
 Открыл я «водочный завод»...
 И злато мне в карман сочилось.
 Его я ныне потерял,
 Хотя нашедших уверял,
 «Что духом то святым являюсь»...
 Когда свершился этот грех,
 Я стал, как «сущий во гробех»,
 И думал, что совсем я «снятил».
 Но жалко церкви мне моей,
 Но очень жалко сто рублей,
 Что на завяску я истратил...
 Я ожидаю с каждым днем,
 Что буду ввергнут в некий дом,
 Отколе вылезешь не скоро...
 Меня тогда ты ублажи
 И в «передачу» положи
 Мне спиртецу или хоть вагера!..

III. «Св. Патриарх Тихон».

(На мотив «Чорт с тобой»).

Для голодных людей нужно-ль злато,
 [серебро?
 Им полезней стократ дохой кошки
 [ребро!
 А тому, кто такой недоволен едой,
 Я скажу: «Чорт с тобой! Чорт с
 [тобой!»
 Есть предметы в церквях, что не
 [очень нужны,
 И высокой они не имеют цены...
 Вот такие я дам, (сняв каратин дру-
 [гой...)
 На, бери! Чорт с тобой! Чорт с тобой!
 Вместо помощи им падо в шепу на-
 [клясть:
 Не поддерживай, дурень, советскую
 [власть!
 Коммунистов не сверг, так живи с
 [лебедой.
 Голодай! Чорт с тобой! Чорт с тобой!
 Араус.

Частушки на „Комсомольскую Пасху“.

Эх, ты, яблочко, катись,
 Ведь дорога скользкая,
 Подкузила всех святых
 Пасха Комсомольская.

Зазвенели колокольни
 Колокольцами,
 Все святые недовольны
 Комсомольцами,

Старый бог как посмотрел,
 Что за перемена,
 В трое суток польсел,
 Словно как колено.

Решено рабочим миром
 И доказано,
 Что равнины одним миром
 Перемазаны.

Это людей дурачишь, попе,
 Ум людской разгонит сон,
 Ведь религия не опий—
 Ух, а просто самогон.

Люди стали не глупы
 И для всякого,
 Что равнины, что попы
 Одинаково.

Ходят слухи по России
 От различных самых мест:
 Безработные святые
 Организовали трест.

Украшают божий храм
 Золоты калачики,
 Верят богу и допам
 Только лишь кабатчики.

Об'яснять довольно сложно,
 Кто такое был Христос:
 То, что умер он—возможно,
 То, что он воскрес—вопрос.

Как епископ Антонин
 Подавал записку,
 Чтоб устроить всем святым
 Выборку, да чистку.

Мы не балуем святых
 Да поблажками,
 Попросили с неба их
 Вверх тармашками.

Ох, пасхальные яички
 Все катаются.
 Ох, поповские косички
 Расплетаются.

Антонину не в привычку
 Новые лазейки,
 Записался в Ком-яичку
 Вместо Ком'ячейки.

Комсомолец ходит весел,
 Попы охнули,
 А святые не воскресли,
 А подохнули.

Мы заносим эту справку
 В новый справочник,
 Тот, кто носит камилавку,
 Камилавочник.

Эй, мулла, мулла, мулла,
 Ты скажи мне, как дела?
 Ах, дела должны быть швах:
 Не помог тебе Аллах.

Тот, кто с нами,—смейся!
 Все мы молоды,
 Мы заведем равнинам пейсы,
 Бат'кам—бороды.

Небёсам нагнала страху
 Комсомольцев вспышка,
 Саваоф кричит Аллаху:
 Выручай, братишка!

Соблюдая все приличья,
 К празднику припас кулич я.
 Мой кулич прославится,
 Им попы подавятся.

Будем делать чудеса,
 Ничего нет проще:
 Из попа мы в полчаса
 Приготовим мощи.

Комсомольцам Егова
 Молвит: что вы, черти,
 Ты ударь, ну раз, ну два,
 Но не бей до смерти.

Времена пришли последние.
 Видно быть большой беде,
 Только поп идет к обедне,
 Дьякон лезет к попаде.

Заповедь Христа говорит: „НЕ УБИЙ!“.

Поп. Во имя отца и сына
 И духа... Братия начну:
 —Сомнитесь духом во-едино,
 Благословляю на войну...
 Солдат—есть мученик за веру
 И меч господень алтаря,
 Защитник верный и примерный
 Защитник родины, царя...

Что нам пишут.

Из Ардатова.

В Ардаатовской городской органи- зации.

В настоящее время в городской органи-
зации оживление. Работают пять
кружков: политический, газетный, дра-
матический, спортивный, хоровой.
Почти вся неделя занята под их за-
нятия.

Работа протекает в благоприятных
условиях. Все члены вовлечены в ра-
боту. В местном клубе профсоюзом
имени Тоиского Комсомолу отведена
комната, в которой ежедневно можно
видеть группы сомольцев, ожидающих
занятий кружков.

В политическом кружке проводится
политикоинформация Богданова, в газетном
идет разборка газетного материала,
членам кружка даются задания по га-
зете подготовить доклад на следующе-
е заседание кружка. Разбираются изда-
ния Укома, стенная газета, Красная
Молодежь и приложение к ней, «Кро-
кодил». Оживленно ведутся прения
по заметкам и пр.

В драматическом идет разборка пьес,
подготовка к вечеру.

В хоровом разучиваются комсомоль-
ские песни.
Усиленно работает спортивный кру-
жок. 19-21 февраля в три вечера устраи-
ваются спортивные состязания на
первенство чемпиона г. Ардатова. По
субботам каждую неделю намечено
устройство вечеров в виде отчетности
кружков за проделанную работу в не-
делю. Один такой вечер на прошлой
неделе был сделан. Промех оживленно.

Вся организация разбита на две
ячейки: при уездском комитете и при
школе второй II ступени. Первая ве-
дет работу среди допризывников, вто-
рая среди учащихся. В обеих ячей-
ках работа ведется более плодотворно,
чем в одной организации.

Н. Г.

Из Воскресенска.

Городская организация РКМС.

Организован коллектив пропаганди-
стов из 13 человек. Работа по воспи-
танию молодежи ведется председа-
телем коллектива Завполитпросветом.
Издается стенная газета, газета
пользуется популярностью. Сотрудни-
чают члены РКМС, РКП и беспар-
тийная молодежь. 11-го марта на Уезд-
ной конференции члены РКМС при-
няли участие, высказывались по
некоторым вопросам.

12 марта на общем собрании чле-
ны РКМС постановили выпустить
газету «Молодая Рать»: сомолец слу-
жащий—экземпляр, а безработные и
ученики 2 сомольца—экземпляр.

Наплыв в союз молодежи продолжается,
большинство из учеников II сту-
пени.

Проведена кампания среди допри-
зывников в 4-х волостях уезда на под-
писку газеты «Молодая Рать»—ре-
зультаты хорошие.

Члены РКМС проходят школу лик-
видации политнеграмотности совме-
стно с членами партии.

Читаются лекции во вторник и
пятницу, но члены РКМС по средам
и воскресеньям разбирают по группам
прочитанные лекции в школе.

Жизнь школы.

На собрании ячейки Педагогиче- ского института.

(Картинка с натуры.)

Один! Два! Три! Понемногу собира-
ются наши сомольцы. Заполняется
и оживляется ячейка. Веселые, ре-
зные голоса оглашают комнату своим
криком. Каждый старается что-то ска-
зать, поделиться новыми впечатлени-
ями. Тут З. раскрасневшись с жа-
ром, сообщает Л... О какой то истории.
Там двое о чем-то заспорили забыв
об окружающем. И среди всего это-
го шума и гама, чей-то голос зати-
гивает песню. Один, другой, подхва-
тывают... Не устояла кожа. И гром-
ко, дружно песню раздается далеко
за стенами комнаты. «Пора, пора, то-
варищи!»—раздаются голоса. Со сне-
гом и шумом занимают места. Кто
на скамейке, кто на окне, а кто и на
столе. Выбирают председатели... Огла-
шают повестку дня... Некоторое время
в ячейке тишина. Только раздается
голос докладчика, да редкие открыва-
ние двери—то входит опоздавшие на
собрание члены. Они вносят с собой
некоторый шум... Доклад кончен...
Начинается оживленная шумная бе-
седа. Каждое слово докладчика не

проходит без критики, без спора По-
немногу, забывают о существовании
председателя и он уже не всяких
удержать расшумевшихся комсомоль-
цев. Никто не слышит... Каждый ста-
рается, что-то сказать, доказать по
своему. Становится все шумнее; гром-
че раздаются голоса. Неудержимым
потоком льются слова!

Молодость! Да это ты!.. Собрание
походит к концу... Последние вопросы
проходят под сплошной гул.

И невольно улыбнется зашедший
сейчас сюда. И почувствует он, что
перед ним, что-то задорно, молодые
полное свежих сил, которому ника-
кие преграды не страшны. Собрание
закрыто... Раздается могучее пение
Интернационала. Из души идут слова.
Все тесней и тесней сближаются они
в одну сплоченную семью.

Высокая серая комната оживает...
Становится шире и просторней. Но не
на долго... Ребята расходятся... И дол-
гим глубоким взглядом провожают их
свободный портрет Ленина.

А будущее строители новой жизни
с шумом, смехом, криком и песней
выходят из здания и долго еще слыш-
но на улице это комсомольское с
пение.

В. Р.

Наука и религия несовместимы! Наука изгоняет религию отовсюду! Пути науки—рвут религиозные пути.

Комсомольский смех.

Разделение труда.

Однажды в студеную зимнюю пору
Я из дому вышел. Был сильный
[мороз.
Гляжу—поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая ящиков воз.
И шестуя важно, в торжествен-
[ном шаге,
Лошадку по городу чинно ведет
Трехлетний мальчишка в отцовской
[сермяге.

А лошадь идет и ушами прыдет,
—Здорово, товарищ!—Иди себе
[мимо!
—Что возишь?—Да, чай, самогон!
Подхожу:

—С какого завода?—Из дома
[вестимо!
Отец, значит, гонит, а я отвожу!
Е. В. («Т.»)

Задача—шутка.

Что у человека одно, у воро-
ны—два, а у свиньи и червяка нет
ни одного.
Медведь.

Данная нами в № 7 задача-шутка и шарady
разрешаются так:

ДсЕовРяотКь ДкВоорРоОв

Центральная комиссия по проведению «Недели Крас-
ного Флота» выпускает художественно-литературный сбор-
ник под названием «Красный Военный Флот».

В сборнике принимают участие виднейшие знатоки
морского дела и лучшие литературные силы.

Цена: 1) 1 экземпляр—100 руб. 2) 1—именной зану-
мерованный экземпляр—250 руб. и 3) для профессиональ-
ных и рабочих организаций 1 руб. 75 коп. (по курсу дня).

Подписка принимается в редакции «Молодая Рать»
(Дворец Свободы, телефон 10-49)

Редакция.